

В начале 1986 года Саша Башлачев решил закончить дело, о котором мы говорили в течение двух лет – записать на моей даче, на Николиной горе в студии звуков «Му», которую мы называли студия «Му», свой студийный альбом. Где-то в январе мы уговорились уже на точные сроки с Башлачевым и наметили апрель. И надо сказать, эти сроки были выдержаны, чисел я, конечно, уже не помню, но в начале апреля, когда стояли еще холода, прекрасное солнечное морозное утро, поэтому это совпало с песней, которая была там записана «Холодный апрель, горячие сны», впоследствии. Они приехали с другим моим товарищем, Славой Егоровым, который в ту бытность сотрудничал с группой «Аквариум» и был их таким штатным звукорежиссером. Таким образом, в начале апреля они вдвоем приехали, привезли с собой какой-то запас простых продуктов, помню, мешок с макаронами, колбасу, чай, притом, что все это на даче у меня и так было. Запасы были удвоены, и в первый же вечер по приезду, мы, выпив крепкого чая, вечером того же дня отправились в студию главным украшением которой была портастудия «Ямаха», эта четырехканальная студия позволяла импровизировать, накладывать инструмент, голос, на уже готовую запись, вполне себе на уровне техники того времени.

Итак, мы стартовали. Запись происходила, в основном ночью, днем ребята спали, вставали тогда, когда уже начинало темнеть, ужинали, частенько я им жарил колбасу, покупал, потому что я ездил в Москву достаточно регулярно за продуктами и где-то вечером начиналась, я бы сказал церемония, колдовство, потому что Башлачев относился к записи в какой-то степени мистически, как волшебник. Он пораньше вставал, ходил на речку, на Москву-реку, такие были ясные морозные солнечные дни. Совсем иной климат был 34 года назад в центральной России.

Что можно было сказать про процесс записи? Главное было настроить себя самого на правильное исполнение. Многих впоследствии удивляла такая лирическая расслабленность во время исполнения песен альбома «Вечный пост», потому что известны были и другие исполнения, где многие песни были спеты куда более напористо, если даже не сказать агрессивно, потому что на домашних концертах, на тех концертах которые записывали некоторые его друзья, все-таки присутствовали какие-то люди, на которых мог Башлачев ориентироваться, как на зрителей. Конечно ему, мастеру домашних концертов, очень не хватало обратной реакции, обратной связи с слушателями. Вот этот вот взаимный процесс, конечно, придавал ему энергии и в какой-то степени блеск, как артисту. Этого всего не было в студии на Николиной горе. Это была достаточно темная, света у нас яркого как не было, так и нет до сих пор, все такое полутемное. И атмосфера вот была такой пещеры, поэтому песни получились как будто спетые шаманом в пещере, но шаманом таким, я бы сказал, элегичным и сентиментальным, в какой-то степени. Шаманы бывают разные, и сам Александр Башлачев

мастерски умел перевоплощаться в шамана на концертах на домашних, а вот в студии и на большой сцене ему это удавалось с трудом. И в этом, как раз, заключалась проблема в записи альбома «Вечный пост» в студии «Му» на Николиной горе.

Были ли какие-нибудь приключения во время этой записи? Я не помню, но вот «Егоркину былину» мы исполняли даже вместе несколько раз, пытались ее записать и записали, но вот на той самой конечной итоговой кассете, которая была у него, мастер-кассета была у Саши, я сразу забегаю вперед, мне он подарил копию с этой мастер-кассеты, вот, собственно, она только и сохранилась от той знаменательной записи, потому что оригинал так и не был найден. Но учитывая, что последний раз Башлачев посетил мою дачу в начале 1988, то есть совсем незадолго до его кончины, и не обмолвился, не спросил «Сохранилась ли та самая кассета? Ты мне не дашь ли ее? Я хочу над ней покумекать». И, если у него была такая цель, то, естественно, он мог бы ее уничтожить, но думаю, что у него такой цели не было. Не похоже, чтобы он был сильно разочарован итогами записи, потому что слова, которые он мне записал на этой самой копии кассеты «AGFA», которая у меня, к счастью, осталась там были такие:

«Нет ни кола да ни двора
Но есть Николина гора
Я не считаю мель рекой,
Но есть апрель.
И есть покой.

Спасибо, Саше».

Это говорит о том, что настроение у него было хорошее, слова эти были написаны именно тогда, перед отъездом уже с Николиной горы. Я помню, что он не выглядел разочарованным, считал, что работа закончена.

Почему в итоговую запись может быть на второй кассете, потому что она могла не поместиться в 90 минутной кассете, «Егоркина былина» не вошла в этот альбом, тоже не представляется мне ясным, так как мы играли её вместе, я им там ассистировал на каких-то подручных инструментах, и на басу играл, и на перкуссии, а там была еще у нас и флейта, которую использовал Слава Егоров, какие-то свои народные инструменты Слава привез с собой, и все это вошло в конечный вариант аранжировки песни «Егоркина былина», и мы её вместе слушали, и нам нравилось. В итоге песня так и не найдена до сих пор. Есть основания считать, что она утрачена навсегда.